

Николай Митрохин

Wallace L. Daniel. Russia's Uncommon Prophet: Father Aleksandr Men and His Times. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016. 468 pp. ISBN 978-0-87580-733-1.

Дмитрий Предеин, протоиерей. Протоиерей Александр Мень как выдающийся православный катехизатор и миссионер второй половины XX века. Одесса: Астропринт, 2015. 400 с. ISBN 978-966-190-996-9.

Николай Митрохин, Центр восточноевропейских исследований при Университете Бремена (Германия). Адрес для переписки: Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen, Klagenfurter Straße 3, Bremen, 28359, Germany. mitrokhin@uni-bremen.de.

Культ священника Александра Мень в среде творческой интеллигенции и западных интеллектуалов, ищущих единомышленников в Русской православной церкви (и столь редко их встречающих), естественным образом привел к полноводью публикаций о трагически погибшем в 1990-м году священнике. Рецензируемые книги, вышедшие с разницей в год (а также 15-томное собрание сочинений Александра Мень, анонсированное издательством Московской патриархии в 2015 г.; в настоящее время опубликовано не менее восьми томов), представляет собой яркий феномен уже третьей волны изданий, пропагандирующих личность и работы Мень.

Первая волна (первая половина 1990-х годов) установила границы культа и создала «канон» почитания, вторая (первой половина 2000-х) – привела к ликвидации негласных ограничений, установленных в РПЦ на распространение творчества Мень. И, наконец, третья волна призвана пропагандировать культ Мень среди новых целевых аудиторий.

Почему мы здесь используем слово пропагандировать? Если говорить о работе Уоллеса Даниэля, то своих целей автор и не скрывает: американская аудитория пока недостаточно знает об этом замечательном священнике – ну вот теперь из его работы узнает. У Дмитрия Предеина, который опубликовал свою книгу в гиперконсервативной по меркам РПЦ Одесской епархии, слово «выдающийся» в заголовке тоже четко характеризует отношение автора к герою.

Первая волна публикаций возникла после трагической гибели Мень, убитого до сих пор неизвестным(-и) лицом(-ами) на пике популярности в качестве перестроечного церковного лектора и телевизионного проповедника (Аман 1994; Бычков 1996; Зорин 1993; Масленникова 1995). Сформировавшаяся вокруг него в 1960–1980-е годы большая и внутренне структурированная «интеллигентская» община (несколько тысяч человек только в Москве и Подмосковье) поддерживала его миссионерские усилия и после гибели священника активно пропагандировала его идеи и тексты. При этом она не только успела увлечь ими значительную часть интересующейся православием интеллигенции, но и вступила в объективный конфликт с теми православными активистами и духовенством, что еще с начала 1980-х годов имели глубокий идеологический конфликт с Менем и «меневцами», по-

скольку продвигали другое – более консервативное, основанное на трудах дореволюционного монашества – видение устройства РПЦ и ее идеологии. В середине 1990-х годов конфликт между консервативным (прежде всего московским) духовенством и меневцами принял обостренные формы. Немногочисленные в то время священники-меневцы были подвергнуты различным дисциплинирующим практикам и в результате «меневские» идеи и променевская агитация в РПЦ ограничивались несколькими московскими приходами и отдельными общинами в провинции. Однако «в миру» (т.е. в светском обществе) популяризация Меня и его идей была ничем не ограничена. И поскольку, повторюсь, интеллигентская община его последователей была весьма многочисленна и значительная часть ее представителей работала в СМИ и издательствах (или даже были их собственниками), идеи и образ Меня были активно представлены в СМИ, особенно пишущих на церковно-общественную тематику (например, религиозное приложение к «Независимой газете»; «Церковно-общественный вестник», выходящий как московская вкладка к парижской «Русской мысли»; ключевые бюллетени религиозной информации на русском языке; теле- и радиопередачи). Гуманистические идеи Меня оказались близки и созвучны западной либеральной католической и протестантской интеллигенции. Меня стал, по всей видимости, первым священником современной РПЦ, отдельная биография которого вышла на иностранном языке (Намант 1993).

Введение в книгу Даниэля, где описывается процесс знакомства автора, уже имеющего серьезные научные заслуги в области истории имперской России, с новой темой, хорошо показывает, как формировалась и действовала вторая волна популяризации Меня, которая заставила РПЦ отойти от крайне критического его восприятия периода 1990-х годов (Григоренко и Меня 2007; «Десять лет без Меня» 2000; Еремин 2001).

Даниэль, примкнувший к этой среде в середине 2000-х годов, перечисляет как от семинаров и конференций в Библиотеке иностранной литературы в Москве, организованных бывшими членами меневской общины (прежде всего директором библиотеки Екатериной Гениевой (потомственной представительницей того же самого катакомбного советского интеллигентского христианства, что сформировало и Меня) и священником Георгием Чистяковым), дело перешло к знакомству с младшим братом покойного – Павлом Менем – и получению доступа к семейному архиву, участию в тематических семинарах и конференциях в разных странах. Далее было чтение многочисленной литературы по биографии Меня и воспоминаний членов общины, знакомство с репродуцируемыми членами общины его аудио и видео-записями и текстам.

Вне круга внимания Даниэля остались прочие церковные духовные авторитеты и сетевые структуры, которые также активно занимались популяризацией наследия Меня. Например, правящий архиерей Меня – митрополит Крутицкий Ювеналий (Поярков), нередко присутствовавший на «меневских» конференциях, московский священник Георгий Кочетков, его многочисленная община и связанные с ней «меневские» общины в российской провинции, или почитатели Меня, работавшие в «Журнале Московской патриархии» и одноименном издательстве.

Именно они инициировали издание в 2011–2012 годах сначала основных работ Меня под грифом издательского отдела РПЦ, а потом и упоминавшегося выше полного собрания сочинений. Разумеется, такие перемены были невозможны и без определенной позиции патриарха Кирилла (Гундяева), которая, однако, не была выражена публично. Тем не менее, в результате совокупной деятельности всех этих людей в первой половине 2000-х годов возникла вторая мощная волна интереса к наследию Меня, которая вовлекла и американского ученого. Однако, разумеется, дело было не только в ней, иначе бы культ Меня ограничился кругом почитателей популярного священника. Важны оказались идеи Меня, которые можно в целом свести к трансформации идеологии и практик русского православия в более современные формы, близкие тому направлению развития в котором следует европейский католицизм и протестантизм.

По мере увеличения внутри РПЦ слоя образованных жителей крупных городов и усиления их влияния через церковно-образовательные и катехизаторские структуры (созданные и руководимые чаще всего «меневцами») идеи покойного протоиерея стали обретать реальную силу (Митрохин 2006а, 2006б). Сейчас «меневские» практики – не всегда существовавшие, собственно, в приходе Меня, но начатые несколькими «меневскими» общинами, основанными его ближайшими последователями в 1990-е, широко распространяются внутри РПЦ (совместные чаепития после службы, скамейки в дальних углах храма для пожилых и немощных, отказ от юбок как обязательной формы одежды для женщин, благожелательное отношение к новичкам, толерантное отношение к «инославным» и т. п.).

Работа Даниэля, написанная в хорошем и спокойном тоне, на очень ясном английском, рассчитанном на действительно широкую аудиторию, четко рассказывает о том, почему распространение идей Меня стало возможно. Автор начинает с сенсационного и нераскрытого убийства Меня в 1990-м году. Потом говорит о том, почему он оказался на приходе в Новой деревне, и вскоре начинает свой рассказ о корнях Меня, переходя от причин, по которым евреи вообще оказались в Российской империи, к судьбе воспитавшей его мамы и двоюродной тети, переживших революцию. Это широкий ввод в мир советского религиозного подполья, в котором с детства рос Мень, весьма полезен, хотя автор по большому счету избегает говорить о реальном подполье со всеми его сложностями, борьбой группировок, расколами (Беглов 2008; Митрохин 2014; Шкаровский 2004; Mitrokhin 2012; Wypot 2004), а ограничивается информацией только о судьбе одной небольшой общины, где вырос Мень. Такие же приемы автор в тексте использует регулярно: сначала две-три страницы общей и очевидно имеющей опосредованное отношение к главному герою повествования информации – что есть Оптиная пустынь и старчество, или что такое Сибирь и как русские ее завоевали, – а потом быстрый переход к деталям, касающимся биографии Меня. При этом автор не стремится говорить о проблемах, которые данный период его биографии поднимает, или среды, в которой он находился и весьма избирательно относится к источникам по затронутым им темам. Например, ногочисленная литература о важной для Меня общине «мечевцев» (межвоенных предшественников «меневцев») у Даниэля сводится к одной обобщающей книге, написанной к тому же журналистом с крайне

сомнительной репутацией (Бычков 2001). В некоторых случаях он явно старается избежать конфликтных историй, которые могут бросить тень на однозначно положительную биографию его героя. Так, например, при изложении роли Меня в написании широко известного письма священников Глеба Якунина и Николая Эшлимана исчезла фигура околочерковного деятеля Феликса Карелина, сменившего Меня в роли непубличного «толкача» текста (именно он оживил увядшую инициативу тридцати священников во главе с Менем и способствовал радикализации обращения, которое в итоге подписали всего двое), и весь набор печальных историй, связанных с этой личностью (Глазов 2001:207–208; Мень 1996).

Во второй половине книги автор грамотно выстраивает баланс между биографией Меня и изложением его основных популяризаторских работ и немного рассказывает о деятельности сторонников Меня после его смерти.

В целом получившийся текст уникален по своим характеристикам. Это действительно наиболее полная биография Меня, которая превзошла работы предшественников и по объему, и по обстоятельности изложения (Аман 1994; Масленникова 1995). Он в самом деле много расскажет о Мене людям, которые ничего о нем не знают, или слышали, но хотели бы узнать больше. Однако в ней нет почти ничего об РПЦ или современном ему СССР.

«Что сказать о Франсишку?» – вопрошает один из плакатов, расположенных на внутренней стороне ограды знаменитого среди католиков комплекса Фатимской Божьей матери, явившейся в Португалии в 1918 году трем детям, среди которых был и Франсишку. И тут же отвечает: «Франсишку был хороший мальчик». Вот и биография Меня авторства Даниэля является очень пространным текстом с той же интонацией. Он мог бы после перевода оказаться в равной степени опубликованным в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» или в «Издательстве Московской патриархии», или любом другом российском, украинском, французском издательстве. Умеренно апологетическая, простая и понятная даже далекому от церковной тематики человеку биография носит универсальный характер. Однако ее сложно считать полноценным научным исследованием. На это намекают максимум две ссылки на источники на странице, отсутствие каких-либо архивных ресурсов в списке литературы. А главное – в ней нет критического отношения к авторам-предшественникам и отстраненного, насколько это возможно и требуется для историка, отношения к герою повествования (Леонтьева 2003; Mitrokhin 2012).

Вторая рецензируемая книга построена принципиально иначе. Апологетическое название работы протоиерея Дмитрия Предеина говорит, казалось бы, само за себя. Однако в отличие от книги Даниэля эта изданная фактически за счет средств автора книга является попыткой не только прославить покойного протоиерея, но и разобраться в неясных автору аспектах его учения. Книга Предеина – часть его докторской работы по специальности «богословие», защищенной в Киевской духовной академии. Первоначально автор, как можно понять, довольно скептически относился к Меню, как и большинство духовенства 1990-х – 2000-х годов, но систематическое чтение его текстов (и учеба в Москве) позволило ему отказаться от всех мифов, бытовавших в отношении Меня в церковной среде. Тут

уместна цитата, демонстрирующая, с чем и с кем полемизирует автор; ею начинается раздел «Еврейский вопрос»:

Одним из обвинений, которое инкриминируется отцу Александру Меню, было и остается сотрудничество с мировым сионизмом. На основании этой вздорной и ничем реально не подтвержденной инсинуации многие до сих пор, как попугаи, повторяют кем-то расчетливо запущенную фразу: «Это свои его убили». При этом совершенно непонятно, кто же эти «свои»? Если это евреи, обращенные отцом Александром в православие, то зачем им его убивать? [...] В открытом письме, приписываемом митрополиту Ленинградскому Антонию (Мельникову), отец Александр Мень называется «постовым сионизма», посланным в Русскую Православную Церковь для подрывной работы изнутри (с. 123).

Автор не торопясь разбирает разные аспекты богословия Менья, исследуя его хилиализм, эволюционизм, рационализм, учение о вечной жизни, почитание святых, христианскую апологетику, учение об апокатастасисе, отношение к магии, оккультизму и отдельно германской мистике, его миссионерские и катехизаторские методы, пастырское служение и далее по списку, который один священник-богослов может составить в отношении другого. Оставляет критический раздел «Спорные суждения» и отдает должное его «находкам и открытиям» (с. 302–309). Перечислять все аспекты толкования текста тут нет места, однако в разделе «Спорные суждения отца Александра Менья» автор, например, ловит Менья на излишнем доверии к иудейским и римско-католическим интерпретациям текстов Священного писания и трактовке некоторых аспектов христианского вероучения по ним, а не по православным текстам, которые в период написания Менем его просветительских работ было трудно найти. Например, выяснилось (и для меня стало открытием), что православные и католики по-разному интерпретируют сорт теста, из которого был сделан хлеб на первой христианской Евхаристии на Тайной вечере. Католики считают, что он был пресный, и поэтому их нынешнее причастие пресное, а православные – что он был на квасной закваске, и поэтому причащаются квасным хлебом. Мень же при описании Тайной вечери упомянул католическую интерпретацию о составе поедаемого хлеба (с. 300). Однако в итоге Предеин приходит к рациональному выводу: в богатом корпусе текстов Менья можно пытаться выискивать неизбежные ошибки и раздувать их до масштаба «ересей», как это делали многие церковные оппоненты протоиерея в 1990-е – 2000-е, но нужно сравнить объем ошибок с общей деятельностью Менья в качестве популяризатора христианства. И тут вывод однозначно в его пользу.

В целом у Предеина получилась очень живая работа, в которой целевая аудитория – богословы, духовенство, семинаристы РПЦ – может «покопаться» с целью получить ответы на интересующие вопросы, но главное, думается, в книге другое. Это крайне редкий в современной РПЦ случай, когда вокруг текстов (относительно) современного автора наличествует реальная и глубокая дискуссия, видно, как строится система аргументации, поиска аналогов и многое другое, похвальное в своей настойчивости и дотошности. И в этом отношении книга Предеина (или ка-

кие-то публикации на ее основе) будет интересна и светским религиоведам, и гуманитариям широкого профиля, и даже журналистам, нередко думающим об интеллектуальных процессах внутри РПЦ предельно упрощенно и зачастую упрекающим эту религиозную структуру за безнадежный интеллектуальный консерватизм. И, конечно, подобная работа «очищает» репутацию Меня от богословских претензий оппонентов, что является важным шагом для подготовки его будущей канонизации, которая, на взгляд автора рецензии, вполне вероятна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аман, Ив. 1994. *Отец Александр Мень. Христов свидетель в наше время*. М.: Рудомино.
- Беглов, Алексей. 2008. *В поисках «Безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР*. М.: Издательский совет РПЦ; «Арефа».
- Бычков, Сергей. 1996. *Хроника нераскрытого убийства*. М.: Русское рекламное издательство.
- Бычков, Сергей. 2001. *Марсейка: Жизнеописание отца Сергия Мечева. Письма. Проповеди. Воспоминания*. М.: Мартис; Sam&Sam.
- Глазов, Юрий. 2001. *Тесные врата. Возрождение русской интеллигенции*. СПб.: Издательство журнала «Звезда».
- Григоренко, Николай и Павел Мень, сост. 2007. *Александр Мень. О себе... (Воспоминания, интервью, беседы, письма)*. М.: Жизнь с Богом.
- «Десять лет без Меня». 2000. *Индекс 11*. <http://index.org.ru/journal/11>.
- Еремин, Андрей. 2001. *Пастырь на рубеже веков*. М.: Cart Blanche; Бумажная галерея.
- Зорин, Александр. 1993. *Ангел-чернорабочий*. М.: Прогресс – Культура.
- Леонтьева, Татьяна. 2003. «О "советском" периоде истории Русской православной церкви: версии постсоветской российской историографии». *The Soviet and Post-Soviet Review* 30(2–3):185–208.
- Масленникова, Зоя. 1995. *Жизнь отца Александра Меня*. М.: Прицельс; Руслит.
- Мень, Александр. 1996. «Воспоминания в черновом виде (расшифровка стенограммы)». Просмотрено 24 ноября 2019 г. http://yakov.works/library/13_m/myen/00035.html.
- Митрохин, Николай. 2006а. «Молодые против "младостарцев"». *Политический журнал* 115:76–78.
- Митрохин, Николай. 2006б. *Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы*. М.: Новое литературное обозрение.
- Митрохин, Николай. 2014. «Русские националисты в Русской православной церкви (1943–1985 гг.)». С. 558–590 в *Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы*. М.: РОССПЭН.
- Шкаровский, Михаил. 2004. *Александро-Невское братство: 1918–1932*. СПб.: Православный летописец Санкт-Петербурга.
- Hamant, Yves. 1993. *Alexandre Men, un témoin pour la Russie de ce temps*. Paris: Editions Mame.
- Mitrokhin, Nikolay. 2012. *Review of V poiskakh "Bezgreshnykh katakomb": Tserkovnoe podpol'e v SSSR by Aleksei Beglov. Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 13(2):476–490.
- Wynot, Jennifer Jean. 2004. *Keeping the Faith: Russian Orthodox Monasticism in the Soviet Union, 1917–1939*. College Station: Texas A&M University Press.